

Основная задача криминалистического обеспечения, как и в целом криминалистики, заключается в содействии правоохранительным органам в деятельности по борьбе с преступностью. А эта деятельность, как и любая иная, предполагает организацию. Естественно, возникает вопрос о сущности и содержании, в данном случае, организации раскрытия и расследования преступлений.

Сразу же заметим, что эта проблема настолько же древняя, как и сама преступность, а соответственно, и деятельность по борьбе с ней. Некоторые рекомендации по организации розыска злоумышленников и доказывания их вины можно обнаружить в религиозных писаниях, в исторических памятниках права и старинных научных трактатах о преступлениях и преступниках, о деятельности тех, кто был призван бороться с преступностью.

По существу, об организации раскрытия и расследования преступлений еще в конце XIX века писали основоположники криминалистики как отрасли научного знания (Ф. Гальтон, Э. Генри, А. Бертильон, Г. Гросс и др.), предлагая конкретные научно-технические методы и средства собирания и исследования доказательств, а вместе с ними рекомендации по организации и методическому обеспечению их применения. О необходимости организационного подхода к процессу раскрытия и расследования преступлений практически в то же время писали ученые-процессуалисты и пионеры отечественной криминалистики, зарождавшейся в недрах процессуальной науки (Я.И. Баршев, Е.Ф. Буринский, И.Я. Фойницкий, А.А. Кваческий, В.Д. Спасович, В.И. Лебедев, Н.И. Трегубов и др.).

В советское время организацию расследования преступлений как один из важнейших факторов успешной деятельности следователя, в тех или иных аспектах, рассматривали Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, А.И. Винберг, Б.М. Комаринец, А.М. Ларин, С.П. Митричев, Н.С. Полевой, Н.А. Селиванов, С.С. Степичев, Н.В. Терзиев, Н.П. Яблоков, Н.И. Якимов и др. Это и давало основание Р.С. Белкину утверждать, что вся криминалистика и есть организация расследования преступлений [1, с. 3-4].

Позже, начиная с конца 60-х годов прошлого века, проблемы организации раскрытия и расследования преступлений и научной организации труда

следователей становятся предметом целого ряда монографических, в том числе диссертационных исследований (Г.Г. Зуйкова, В.Д. Зелинского, Е.П. Ищенко, В.Е. Коноваловой, Н.И. Кулагина, Л.А. Соя-Серко и др.). Следует заметить, что различные вопросы организации расследования преступлений они рассматривали преимущественно в аспекте деятельности следователя, научной организации его труда и, судя по всему, не придавая особого значения самому понятию «организация» как философской, науковедческой, а вместе с тем управленческой категории.

В научных трудах криминалистов понятие «организация» зачастую представлено как нечто само собой разумеющееся (организация есть организация). Поэтому ее определение применительно к раскрытию и расследованию преступлений довольно обобщенное, при этом не отличается единством понимания ее сущности и содержания.

Например, А.М. Ларин в свое время, пожалуй, одним из первых сформулировал понятие организации расследования преступлений, представляя ее как «рациональный выбор, расстановку и приложение сил, орудий и средств, которыми располагает следователь, создание и использование оптимальных условий для достижения целей судопроизводства» [2, с. 59].

Уже в настоящее время В.Д. Зеленский организацию раскрытия и расследования преступлений определяет как «процесс ее упорядочения путем создания умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности, создания условий для ее качественного производства и руководство практической реализацией» [3, с. 23].

А.Г. Филиппов, представляя организацию расследования преступлений в виде самостоятельного раздела науки криминалистики, определяет ее как систему «научных положений и рекомендаций по направлениям деятельности следователя, имеющим преимущественно организационный характер». При этом он, характеризуя структуру данного раздела и комментируя приведенное определение организации, обозначает не виды и направления деятельности следователя, а криминалистические учения о версиях и планировании расследования, о взаимодействии следователя с другими субъектами раскрытия и расследования преступлений, о криминалистической регистрации и т.д., то есть те, которые, по его мнению, имеют «преимущественно организационный характер» [4, с. 235].

Несколько позже А.Г. Филиппов в статье, опубликованной им в соавторстве с И.П. Можяевой, определяет организацию раскрытия и расследования преступлений как «определенным образом упорядоченная деятельность правоохранительных органов, основанная на рекомендациях науки управления, научной организации труда, криминалистики, и осуществляемая в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством»

Казалось бы, все верно, к месту упомянуты «рекомендации» и науки управления, и научной организации труда и т.д., но в этом определении нет ответа на главный вопрос, а что все-таки представляет собой «определенным

образом упорядоченная деятельность», а, соответственно, и в целом организация раскрытия и расследования преступлений по ее содержанию? Нельзя же представлять ее как некую абстракцию, «основанную на рекомендациях».

Между тем, методологически выверенное, научно обоснованное определение «организации», которое может быть использовано и в криминалистике, дано в научной литературе. В частности, в Большой советской энциклопедии «организация» представляется как:

- а) внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением;
- б) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия между частями целого;
- в) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и согласованно действующих на основе определенных процедур и правил [6, с. 1407].

При этом не трудно заметить, что во всех приведенных вариантах определения «организации» ключевым словом является «взаимодействие». А в последнем из них суть организации довольно точно определяется в контексте субъектно-правовых отношений, если иметь ввиду раскрытие и расследование преступлений: это объединение людей (читай: «следственно-оперативная группа») совместно и согласованно действующая (подчеркнем: «совместно и согласованно») в определенных целях (в нашем случае: «в целях раскрытия и расследования преступлений»), на основе определенных правил (то есть УПК РФ).

Именно взаимодействие как совместные и согласованные действия субъектов раскрытия и расследования преступлений лежит в основе организации осуществляемой в этих целях деятельности. При этом очевидно, что действенность и эффективность взаимодействия, а, следовательно, организации раскрытия и расследования преступлений, находятся в прямой зависимости от степени автономности «частей целого». Чем выше уровень их автономности, обособленности, тем сложнее взаимодействие и ниже его эффективность. Наглядным свидетельством тому является довольно распространенная в наших правоохранительных органах практика взаимодействия следователей (дознавателей) с оперативными аппаратами посредством переписки. Отсутствие таковой - основание для их упрека в отсутствии взаимодействия.

Однако формально-бюрократический подход к решению данного вопроса порождает адекватные способы его реализации. На практике массовый характер приобрели факты, когда следователи (дознаватели) пишут задание оперативным аппаратам и одновременно ответ на него, который подписывают у соответствующих должностных лиц. Ясно, что такое взаимодействие ничего не дает следствию, кроме бессмысленных временных затрат следователя, но именно таким оно предопределено нашим уголовно-процессуальным законодательством, судя по содержанию ст. ст. 38 ч.4; 89 и 163 ч. 2 УПК РФ.

Кстати, заметим, что уголовно-процессуальным законодательством ряда зарубежных стран, в том числе бывших союзных республик (Латвия, Литва, Молдова, Украина и др.), допускается именно совместная, согласованная (гласная и негласная) деятельность следователей и оперативных работников. Соответственно, в УПК этих стран определена система не сугубо следственных, а следственных (розыскных) действий, в том числе негласных [7, 24-32].

Понятие «организация» употребляется в общем контексте с понятиями структура, система. Первая (организация) динамично, приспособляемо к условиям среды; вторые статичны и характеризуются наличием ряда соподчиненных условий. Следовательно, не только «дифференцированные и автономные части целого», но и способы их организации, их состояние предопределяют свойства целого. Естественно, возникает вопрос, а что представляют собой эти «дифференцированные, автономные части целого» в организации раскрытия и расследования преступлений и осуществляемые в ее рамках «процессы и действия»?

Ответ на этот вопрос дает исторически сложившаяся практика использования в указанных целях процессуальных возможностей следственных органов во взаимодействии с оперативно-розыскными аппаратами, с судебно-экспертными учреждениями и экспертно-криминалистическими подразделениями. Иначе говоря, организация раскрытия и расследования преступлений как целое включает в себя в качестве «частей» организацию процессуальной, организацию оперативно-розыскной, организацию судебно-экспертной и, конечно же, организацию криминалистической деятельности, в том числе осуществляемую в форме криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Все эти виды деятельности чрезвычайно сложны и специфичны по своему содержанию, решаемым задачам, реализуемым при этом методам и средствам. Они характеризуются иерархической системой управления, обусловливаемой многоуровневой системой организации соответствующих служб, аппаратов, учреждений и подразделений.

Первый уровень - преимущественно управленческий, правовой, в основе своей он общегосударственный или межведомственный. На этом уровне формируется система правоохранительных, в том числе следственных органов, создаются правовые, организационные, материально-технические основы их деятельности, то есть условия, необходимые им для выполнения возложенных на них задач по охране в стране правопорядка, включая раскрытие и расследование преступлений.

Второй уровень - внутриведомственный, для него характерны создание и организация деятельности ведомственных служб и подразделений, призванных раскрывать и расследовать преступления. Прежде всего, это органы дознания, предварительного следствия, оперативно-розыскные аппараты, экспертно-криминалистические подразделения. В системе МВД России к их числу в

известной мере относятся службы участковых инспекторов, патрульно-постовая служба, ГИБДД и др.

Третий уровень условно можно назвать предметно-деятельностный. Он касается непосредственно организации работы следователя, дознавателя, оперативного работника, судебного эксперта, специалиста-криминалиста, их взаимодействия при раскрытии преступлений и расследовании конкретных уголовных дел. Это уровень повседневной практики раскрытия и расследования преступлений, в которой реально реализуются разрабатываемые криминалистикой методы, средства и рекомендации, а соответственно, проявляются криминалистические проблемы

организации их применения в раскрытии и расследовании преступлений. Фактически все службы правоохранительных органов реализуют в своей деятельности возможности криминалистики, разумеется, в различных пределах, определяемых с учетом особенностей решаемых ими служебных задач. Соответственно, различаются по содержанию, системе (структуре) учебные курсы по данной учебной дисциплине для следователей, дознавателей, оперативных работников, экспертов и специалистов-криминалистов и других сотрудников правоохранительных органов.

Все эти уровни организации раскрытия и расследования преступлений при наличии принципиальных различий по предмету осуществляемой на них деятельности и особенностям их внутреннего и внешнего взаимодействия, имеют двуединую цель:

- а) созидательную - формирование правовых, организационных, научно-технических, кадровых и т.п. условий постоянной готовности правоохранительных органов к действиям по раскрытию и расследованию преступлений с использованием криминалистических методов, средств и рекомендаций;
- б) практико-деятельностную, выражающуюся в профессионально грамотной, тактически выверенной реализации таких условий в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

Именно в этом контексте определяются понятие криминалистической деятельности [8, с. 24] и понятие, содержание криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [9, с. 55]. При этом закономерно возникает вопрос о соотношении этих категорий с предметом криминалистики, с ее общей и частными задачами, с социальной и служебными функциями.

Криминалистика, как известно, наука о закономерностях механизма преступлений, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах.

Соответственно, определяется и общая задача криминалистики - содействие борьбе с преступностью присущими ей силами, методами и средствами [10, с. 42-51]. При этом, естественно, речь не идет о закономерностях и задачах, характерных для общегосударственного и

ведомственного уровней организации раскрытия и расследования преступлений, в целом для формирования условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов и рекомендаций в указанных

целях.

Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что результаты познания выявляемых и изучаемых криминалистикой закономерностей, с одной стороны, механизма преступлений (преступной деятельности), совершающих их лиц, а с другой - деятельности правоохранительных, в том числе следственных органов, а в частности следователя, непременно учитываются и используются как на созидательном, так и на практико-деятельностном уровнях организации раскрытия и расследования преступлений или в осуществляемых в этих целях криминалистическом обеспечении и криминалистическом сопровождении.

Результаты криминалистических исследований практики раскрытия и расследования преступлений находят свое выражение в конкретных предложениях, выводах и рекомендациях, излагаемых в обзорах, аналитических справках, в диссертационных и иных монографических работах. При этом они направлены на совершенствование не только собственно криминалистических методов, средств и рекомендаций, но и правового, организационного кадрового научно-технического обеспечения их использования в раскрытии и расследовании преступлений.

Иначе говоря, для криминалистики, конечно же, не безразлично, как в УПК РФ регламентируется порядок использования ее возможностей, как организована деятельность следователей, их взаимодействие с другими субъектами раскрытия и расследования преступлений, как осуществляется их криминалистическая подготовка и т.д. Но это не является основанием для претензий криминалистики в целом на «организацию раскрытия и расследования преступлений» и выделения в ее системе, именно так названного пятого (по счету) раздела. Фактически это попытка объять с позиций криминалистики необъятное [11, с. 235-241].

И, тем не менее, следует признать, что в настоящее время в условиях рыночной конкуренции, пронизывающей все сферы жизни нашего общества, в том числе сферу преступности и борьбы с ней, роль криминалистической деятельности и криминалистического обеспечения в этом отношении явно возрастает. Тем более, что «состязательность» в борьбе с преступностью начинается не в уголовном процессе, а значительно раньше, в том числе там и тогда, где и когда, зачастую под влиянием агрессивного криминального лобби, формируются его правовые, управленческие и организационные основы, где разрабатываются и принимаются законодательные и управленческие решения, направленные на совершенствование организации деятельности правоохранительных органов, а прежде всего, по

раскрытию и расследованию преступлений.

Возрастающее в этом отношении значение криминалистики актуализировало проблему поиска более совершенных подходов к реализации ее возможностей в раскрытии и расследовании преступлений. Естественно,

речь должна идти не о формальном переименовании ее разделов или вычлениении из их содержания отдельных глав и формирования на их основе, без каких-либо изменений, «новых» разделов. От перестановки мест слагаемых, как известно, сумма не меняется. Эта проблема значительно сложнее, и для начала, исходя из вышеизложенных представлений о понятии и содержании организации раскрытия и расследования преступлений, следовало бы выделить не из криминалистики «общие понятия организации», а из «целого» криминалистическую «часть», то есть из общей системы организации те проблемы, решение которых без использования криминалистических знаний невозможно.

Такой подход к «криминалистическим вопросам» организации раскрытия и расследования преступлений, еще раз подчеркнем, согласуется с понятием и содержанием криминалистического обеспечения деятельности, осуществляемой в этих целях правоохранительными органами, и способствует реализации известных функций криминалистики как отрасли научного знания (методологической, объяснительной, синтезирующей и предсказательной или прогностической). Реализуя эти функции, криминалистика в определенном смысле обогащает или подпитывает только ей присущими научными данными весь процесс (на всех его уровнях) совершенствования организации борьбы с преступностью, в том числе раскрытия и расследования преступлений.

В этой связи, полагаю, уместно напомнить, что в зарубежных странах, пожалуй, за исключением только некоторых бывших советских республик, содержание криминалистики представлено в двух частях - естественнонаучной и организационно-методической, начало чему было положено «Криминалистикой для следователей» Г.Гросса и «Криминалистикой для экспертов» Р.Рейсса.

Например, в США наряду с курсом «Полицейская техника», судя по всему, имеется ввиду не только криминалистическая, но и специальная техника, существует и такая учебная дисциплина, напоминающая криминалистическую методику в нашем понимании, как «Основы уголовного расследования», в которой излагаются вопросы организации тактики и методики расследования преступлений.

Представители всех известных моделей (школ) зарубежной криминалистики

придерживаются в основном «технократического подхода» к определению ее сущности и содержания.

С учетом специфики отечественной правовой системы, определяющей порядок расследования преступлений, и исторически сложившейся системы криминалистического обеспечения осуществляемой в этих целях деятельности правоохранительных органов, очевидно, что механический перенос зарубежного опыта в криминалистическую теорию и практику нашей страны невозможен. А вместе с тем нельзя не согласиться со все более настойчивыми и убедительными доводами, что сложившаяся много десятилетий назад, в совершенно иных социально-экономических и криминологических условиях система, а следовательно и содержание, отечественной криминалистики не соответствуют современным требованиям борьбы с преступностью, не

адекватны ее нарастающим угрозам. И дело не только в системе или структуре соответствующего учебного курса, а в его содержании.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Место вопросов организации расследования в системе науки и учебного курса криминалистики // Информационный бюллетень кафедры криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Академии управления МВД России. М. 1997. №2. С. 3-4.
2. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970.
3. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования // Проблемы организации расследования преступлений. Материалы научно-практической конференции (г. Краснодар, 21-22 сентября 2006 г.). Краснодар, 2006.
4. Криминалистика. Учебник. Под ред. А.Г. Филиппова. 4-е издание. М., 2009.
5. Можяева И.П., Филиппов А.Г. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений в системе криминалистики // Вестник криминалистики. Вып. 1 (49). 2014. С. 33-39.
6. БСЭ. Третье издание. Т.18. М., 1974.

7. Волынский А.Ф. Новый УПК Украины - ответ на вызовы современной преступности // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18 апреля 2013 г.). Часть II. М.: Акад. упр. МВ России. 2013.

8. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П., Лаврова. М., 2008.

9. Криминалистика: 3-е издание / под. ред. Н.П. Яблокова. М., 2005.

10. Криминалистика: учебник для вузов / под. ред. Р.С. Белкина. М., 2003.

11. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997.

Волынский Александр Фомич, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, bul303@gambler.ru, Россия, Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,

- **1. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Правовые основы любой деятельности — это некая совокупность правовых предписаний (норм права), определяющих принципы, формы и порядок ее осуществления, регламентирующих условия применения определенных методов и средств для достижения ее целей.

Технико-криминалистическое обеспечение — деятельность, связанная с применением мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступление, т.е. с реализацией норм уголовного права, уголовно-процессуального права и непременно в условиях соблюдения конституционных гарантий прав и законных интересов граждан. Напомним, что эту деятельность осуществляет разветвленная система органов предварительного следствия, оперативно-розыскных аппаратов, экспертно-криминалистических подразделений и судебно-экспертных учреждений, также действующих на основе законодательных и ведомственных нормативных актов. В этом смысле правомерно говорить о наличии в системе ТКО специфических, характерных для нее процессуальных, и организационно-управленческих отношений. Их правовую основу составляют:

- положения Конституции РФ, определяющие права и свободы граждан, а также основные принципы уголовного судопроизводства;
- нормы уголовного права, определяющие конкретные составы преступлений и их квалифицирующие признаки;
- нормы уголовно-процессуального права, в частности, регламентирующие права и обязанности участников уголовного процесса, обстоятельства, подлежащие доказыванию, источники доказательств, средства доказывания и т.п.;
- законы Российской Федерации и Указы Президента Российской Федерации в части борьбы с преступностью и использования в этих целях научно-технических средств и методов.

В числе основополагающих законодательных актов, помимо Конституции РФ, УПК РСФСР и УК РФ, в этой связи следует назвать Закон РСФСР «О милиции», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». В этих правовых документах определены требования допустимости научно-технических средств в раскрытии и расследовании преступлений, формы их практической реализации и т.п.

При этом непременно следует иметь в виду и международные правовые акты (соглашения, договоры и т.п.), определяющие права и свободы человека, их гарантии, регламентирующие межгосударственные отношения в сфере борьбы с преступностью и применение в этих целях научно-технических средств.

Положениями ведомственных нормативных актов конкретизируются права и обязанности субъектов ТКО, формы и методы их реализации, технико-криминалистическая подготовка следователей, оперативных работников, организация функционирования соответствующих подразделений (учреждений), порядок разработки средств и методов криминалистической техники, ее апробации и использования в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений.

К числу таких нормативных актов относятся, например, положения о линейных службах МВД РФ, приказы МВД РФ, инструкции по вопросам технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, в которых адресно (по видам преступлений, характерным для них следам, по

службам, по методам и формам их деятельности) изложены соответствующие предписания.

Так, Приказом МВД РФ № 261 — 1993 г. «О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» введен в действие ряд нормативных актов, регламентирующих организацию деятельности экспертно-криминалистических подразделений и их сотрудников, в частности это:

- Наставление по работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел.
- Положение о производстве экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел.
- Инструкция по формированию, ведению и использованию экспертно-криминалистических учетов, картотек, коллекций и справочно-информационных фондов органов внутренних дел.
- Нормы введения должностей сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел по видам специализации.
- Типовое положение об экспертно-криминалистическом управлении (отделе, отделении) МВД, ГУВД, УВД, УВДТ (ОВДТ).
- Перечень базовых межрегиональных отделов (отделений) специальных видов экспертиз и исследований экспертно-криминалистических подразделений ряда МВД, ГУВД, УВД и обслуживаемых ими органов внутренних дел.

Приказом МВД РФ № 400 — 1993 г. объявлены:

- Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических учетов, экспертно-криминалистических коллекций и картотек органов внутренних дел Российской Федерации.

- Классификатор оперативно-справочной, розыскной и криминалистической информации автоматизированных поисковых систем федерального учета.

Эти нормативные акты были согласованы с Генеральной Прокуратурой, Верховным Судом, Министерством юстиции, Министерством обороны и Федеральной службой безопасности Российской Федерации. Следовательно, их предписания обязательны для исполнения работниками указанных министерств и ведомств. И это не случайно, поскольку задачи формирования всех видов названных учетов и их использования в раскрытии и расследовании преступлений являются обязательными для всех правоохранительных органов.

Совершенствование системы ведомственного правового регулирования технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений — одно из важнейших условий повышения его эффективности.

Вместе с тем особое значение в правовой регламентации применения средств и методов криминалистической техники имеет уголовно-процессуальное законодательство, выполняющее по существу регулятивные функции. На основе этого законодательства и во исполнение его предписаний издаются ведомственные нормативные акты. В конечном итоге вся система уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процесс доказывания, его средства, источники доказательств, принципы их оценки и использования, имеет самое непосредственное отношение к криминалистической технике и результатам ее применения.

По существу из этой системы норм вытекают принципы допустимости использования криминалистической техники в уголовном процессе, хотя такие принципы непосредственно в УПК РСФСР не закреплены, что многие ученые-криминалисты и процессуалисты рассматривают как серьезное упущение. При этом в ряде статей действующего УПК упоминаются лишь некоторые средства криминалистической техники и в аспекте регламентации отдельных следственных действий. Фактически получается, что кино- и фотосъемка применяются только при следственном осмотре и следственном эксперименте (ст. 179, 183), звукозапись — только при допросе (ст.141 ч.1) и т.д. Обращают на себя внимание и более парадоксальные ситуации, например в ст. 179, 183 говорится о применении кино съемки (без звукозаписи), а в ст.141 ч.1, наоборот, упоминается звукозапись (без кино съемки). Подобный подход к решению данного вопроса явно непоследователен и даже вреден, поскольку дает основание подвергать сомнению

законность получения доказательств с использованием иных технических средств (не упомянутых в законе) и проведения с их помощью иных следственных действий.

Необходимость правовой регламентации принципов допустимости использования средств криминалистической техники в уголовном процессе очевидна и по той причине, что любая попытка законодательно ограничить их применение в уголовном процессе (формальным перечнем в УПК) по существу равнозначна искусственному созданию барьера на пути научно-технического прогресса в борьбе с преступностью.

Вместе с тем очевидно, что невозможно детально регламентировать каждый шаг следователя, работника органа дознания

или специалиста-криминалиста, а тем более в части использования криминалистической техники. Достаточно представить себе ее структуру и содержание, множество решаемых с ее помощью задач, разнообразие организационно-процессуальных форм ее применения, чтобы понять бесперспективность подобного решения данного вопроса.

Все это свидетельствует о явно назревшей необходимости концептуально иного подхода к правовой регламентации использования криминалистической техники в уголовном процессе. По-видимому, такую необходимость осознает уже и законодатель. В настоящее время разрабатывается новый уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, где, скорей всего, будут предприняты попытки устранить указанные противоречия. Криминалисты уже давно и убедительно доказывают необходимость законодательной регламентации лишь принципов допустимости криминалистических методов и средств в уголовный процесс. К их числу относятся принципы безопасности, научной обоснованности, этичности и эффективности технических средств.

Однако законодательное решение вопроса о принципах допустимости средств и методов криминалистической техники в уголовный процесс позволит определить лишь общие рамки дозволенного. Но на практике известны случаи, когда применение криминалистической техники обязательно (если иным путем обнаружить, зафиксировать и изъять доказательства невозможно), например, записать содержание телефонных переговоров без соответствующей аппаратуры. В таких случаях оправдана более детальная правовая регламентация порядка их применения, обеспечивающего полноту и достоверность получаемых результатов. Не

случайно так подробно в УПК РСФСР (ст.79— 82) регламентируется порядок назначения и проведения экспертиз, по существу представляющих собой одну из организационно-процессуальных форм использования в уголовном процессе специальных познаний, а значит, и научно-технических средств. Заключение эксперта — источник доказательств (ст.69 УПК), а экспертиза — средство доказывания (ст.70 УПК).

Помимо норм, обязывающих применение криминалистической техники, в УПК РСФСР содержатся обязательные предписания, обеспечивающие права граждан. Например, следователь до начала звукозаписи (ч.1 ст.141) обязан уведомить об этом допрашиваемого, а после окончания допроса — воспроизвести полностью содержание записи, или при ознакомлении обвиняемого с материалами дела (ч.2 ст.201) — ему должна быть предоставлена возможность посмотреть (послушать) результаты звуко- и видеозаписи, если они осуществлялись в ходе следствия.

В обязывающих нормах содержатся также требования, касающиеся результатов применения криминалистической техники в судебном заседании. Например, воспроизведению звукозаписи (ст.281, 286) должно предшествовать оглашение протокола соответствующего следственного действия.

В литературе обоснованно высказывается мнение о необходимости правового закрепления обязательной фотосъемки, видеозаписи вещественных доказательств в случаях, когда принято решение об их уничтожении или передаче владельцу; обязательной звуко- и видеозаписи показаний лиц, если они не могут являться в судебное заседание; обязательной звукозаписи, если этого требует допрашиваемый в интересах обеспечения своих прав и др.

Также заслуживают внимания предложения, разделяемые многими учеными-криминалистами и процессуалистами, о необходимости дальнейшей дифференциации организационно-правовых форм использования специальных познаний (применения научно-технических средств) в уголовном процессе. В настоящее время, в соответствии с УПК РСФСР, только экспертиза признается средством доказывания. Вместе с тем на практике проводится значительное количество (около 2/5 от общего количества экспертиз и исследований) так называемых предварительных (по оперативно-розыскным материалам — специальных) исследований. В дальнейшем эти исследования дублируются, зачастую формально, в виде экспертиз — увеличиваются сроки расследования, возрастает объем работы специалистов-криминалистов, снижается ее

эффективность.

В этой связи предлагается изменить правовую оценку результатов предварительных (специальных) исследований, признав их в качестве источников доказательств, или разрешить производство экспертиз, в том числе криминалистических, до возбуждения уголовного дела. Но экспертиза, ее назначение — одно из следственных действий и, по мнению многих ученых-

процессуалистов, криминалистов, она может иметь место только после возбуждения уголовного дела. Поэтому более предпочтителен вариант законодательного решения вопроса о признании в качестве источника доказательств результатов предварительных исследований, по крайней мере, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела. Например, только при наличии справки специалиста-криминалиста о принадлежности изъятых объектов к категории запрещенных для хранения, ношения (огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества, наркотические вещества, драгоценные металлы и т.п.) возбуждаются уголовные дела по соответствующим фактам. Здесь очевидна явная алогичность — для возбуждения уголовного дела справки специалиста достаточно, т.е. она признается источником доказательства, а после возбуждения уголовного дела получается, что она утрачивает это качество.

Некоторые ученые высказывают опасение, что предлагаемое решение рассматриваемого вопроса приведет к подмене экспертизы исследованиями. Представляется, что для таких опасений нет оснований, если допустимость исследований как средства доказывания в уголовном процессе регламентировать в законе, определив, на каких стадиях и в каких формах предварительного расследования это возможно, по каким видам преступлений и т.д. При этом должен быть определен порядок назначения, проведения и использования результатов подобных исследований, а также правовые (в том числе уголовно-правовые) гарантии их достоверности и объективности. Более того, проведение исследования в случае противоречия его результатов иным доказательствам не исключает производство экспертизы.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства, в том числе в части использования криминалистической техники в раскрытии и расследовании преступлений, при всей сложности этого процесса в конечном итоге является результатом анализа и оценки:

а) потребностей практики борьбы с преступностью, т.е. криминогенной ситуации в стране, динамики, структуры преступлений, способов их совершения и т.п.;

б) современных возможностей науки и техники, т.е. научно-технических достижений, которые могут быть использованы в борьбе с преступностью;

в) реального состояния технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

Вместе с тем на принятие любых законодательных решений влияют субъективизм анализа и оценки указанных факторов, политических и идеологических взглядов и убеждений законодателей, состояние экономики и множество иных превосходящих факторов. Этим в значительной мере можно объяснить тот факт, что некоторые средства криминалистической техники десятилетиями не получают правового признания, даже как средства получения ориентирующей (розыскной) информации.

Это объективный факт, характерный для всей истории становления криминалистической техники и развития правовых основ ее использования в уголовном процессе. Например, известно, что «криминалистическая тайна» дактилоскопии была открыта Гершелем в 1858 г., но только спустя более 40 лет английский парламент признал возможным использование дактилоскопирования преступников как средства их регистрации, а исследования следов пальцев рук, изымаемых с мест происшествий, как средства доказывания. Средства и метод консервации следов запаха человека были предложены отечественными криминалистами (А.И. Винберг и др.) еще в 1965 г., но практическая реализация одорологических методов в нашей стране до сих пор сдерживается отсутствием соответствующей законодательной регламентации. Кстати, в ряде зарубежных стран (Венгрия, Болгария, Германия и др.) результаты «идентификации» человека по консервированным следам запаха с использованием специально натренированных собак признаются источником доказательств.

Аналогичная ситуация наблюдается и в законодательном решении проблемы добровольной дактилоскопической регистрации населения. В США такая практика сложилась с начала 20-х гг. Затем она получила распространение в большинстве стран Латинской Америки и в ряде стран Западной Европы, в основном в тех, для которых характерны высокий уровень миграции населения и связанной с ней преступности.